

Кто же виноват, что её дорогой парень — любимый двоюродный младший брат главного героя, а те, кто идет против протагониста, обычно кончают плохо.

Юнь Фэй слегка изогнула брови. Изначально у хозяйки тела была яркая и открытая внешность, но после перемещения Юнь Фэй это прекрасное лицо засияло еще ослепительнее.

Хэ, сосунок, удумавший самоубийство. И правда, в детстве умом не блистал, стоило разок надавать тумаков — и сразу бы поумнел.

Юнь Фэй легко усмехнулась, переоделась и поспешила в школу.

— Чэн Но, послушай меня, свет клином на ней не сошелся, к чему убиваться по одной-единственной? — на крыше несколько соседей по комнате Чэн Но отчаянно пытались его уговорить. Парень, который говорил сейчас, был очень высокого роста, одет лишь в пляжные шорты, а на ногах красовались вьетнамки. Получив известие, он сорвался прямо из постели и примчался сюда сломя голову, даже не переодевшись.

— Вот именно, скатертью дорожка, следующая будет еще послушнее! — этот был куда более надежным: по крайней мере, на нем была надета рубашка, да и брюки выглядели вполне прилично, вот только куда-то подевался один шлепок. Этот любитель пляжного отдыха и знатный сердцеед, получив звонок, как раз свиданьице с новой пассией, но тут же помчался сюда во весь опор.

Стоявший рядом молчаливый парень в очках поправил оправой переносицу и кивнул в знак согласия:

— Верно.

— Какое тебе верно, зубрила, неужели нельзя сказать чуть больше? — Цай Чэньюй едва не срывался от отчаяния. Ну хоть сейчас-то можно перестать ходить с таким кислым выражением лица?

Цы Юнь, которого только что обозвали зубрилой, скривил губы:

— А что ты хочешь, чтобы я сказал? Я совершенно не понимаю, как можно из-за какой-то бабы устраивать истерики и лезть в петлю, у него с головой вообще всё в порядке? Во-первых, еще бабушка надвое сказала, поможет ли это самоубийство, а во-вторых, в здравом уме ни одна нормальная женщина не станет связываться с мужчиной, способным на такие крайности.

Во всяком случае, поступки Чэн Но были для него за гранью понимания — просто какая-то невыносимая глупость.

Бо Чэньюй вытаращил глаза, не веря, что Цы Юнь мог произнести такое:

— У тебя крыша съехала.

— Уж лучше пусть крыша съедет, чем как у тебя, — ни капли не смутился Цы Юнь.

Нин Сынин, стоявший в одних только трусах, в отчаянии обхватил голову руками:

— Хватит вам обоим грызться хоть в этот момент! Вы можете хоть немного соображать, где находитесь? Ладно еще в общежитии лаяться, но устраивать перепалку, когда человек собрался с крыши прыгать — это уже перебор! Он посмотрел на Чэн Но. Чэн Но был примерно их ровесника, но выглядел как неопытный старшеклассник: невысокий, с ярко-красными губами и белыми зубами, миловидный, с несколько женственными чертами лица. Его открытая кожа казалась белее и нежнее, чем у девушек, а тонкими ручками и ножками он напоминал изнеженного слабака, который не способен даже курицу связать. Нрав у него был простой и наивный, многого он не понимал, а поскольку среди всех он был самым младшим, соседи по комнате всегда о нём заботились.

В этот момент Чэн Но сидел на корточках у самого края крыши, балансируя на грани и рискуя в любой момент сорваться вниз. Обхватив голову руками, он не произносил ни слова, а по его щекам непрерывно текли слёзы. Не мудрено, что Цы Юнь не мог на это смотреть: взрослый мужик — и докатился до такого из-за какой-то женщины, это просто жалко.

Цы Юнь заметил неладное раньше остальных, сразу же предупредил остальных и вызвал полицию, которая к этому моменту уже прибыла.

Выяснив обстоятельства дела, полицейские, которым уже доводилось сталкиваться с попытками самоубийства из-за несчастной любви, привычно принялись разговаривать с Чэн Но, надеясь уговорить его слезть.

В отличие от других самоубийц, Чэн Но просто сидел там на корточках, словно погрузившись в собственный мир и никак не реагируя на происходящее. Когда кто-то попытался к нему приблизиться, он тут же остро это почувствовал и посмотрел на приближающегося с испугом, даже сделав шаг назад, после чего никто больше не решался его тревожить.

Несколько соседей по комнате долго и усердно уговаривали его, но Чэн Но оставался глух ко всем словам. Цы Юнь знал, что развязать узел должен тот, кто его завязал, поэтому он снова набрал номер Юнь Фэй. Раздались короткие гудки — никто не ответил. Лицо Цы Юня мгновенно помрачнело. Он видел, что чувства Юнь Фэй к Чэн Но были неглубокими — с ним или без него, для неё ничего не менялось, и именно поэтому она смогла так легко и решительно бросить Чэн Но. Но для самого Чэн Но Юнь Фэй была первой любовью, которую он не мог забыть.

Сама Юнь Фэй прекрасно слышала звонок, но, догадавшись, зачем её беспокоят, не захотела тратить на это время и силы.

Более того, ее разбудили, и она была немного зла спросонья.

Она быстрым шагом шла по школьной галерее, и её стройные ноги отбивали в ночной тишине таинственный и манящий ритм под стук каблуков.

Вскоре она подошла к зданию, где находился Чэн Но. Внизу собралась толпа людей: все задирали головы вверх и вовсю выдвигали самые разные догадки о происходящем, безответственно разнося их вокруг.

Тонкая, сильная, белоснежная и изящная рука раздвинула толпу. Люди оглянулись на звук приближающихся каблуков.

Юнь Фэй была одета в короткое красное платье — простое, но элегантное, с нотками лёгкой соблазнительности и игривости, подчёркивающее её безупречную фигуру.

В чьих-то глазах промелькнуло презрение: продажная девчонка есть продажная девчонка. Её парень грозит прыгнуть с крыши, а она вырядилась как павлин — неизвестно ещё, кого собралась соблазнить. Юнь Фэй не обратила внимания на эти злобные взгляды. Проходя свой путь, она повидала слишком много злобы, разве это могло её задеть.

Она быстрым шагом направилась вперед, её походка по-прежнему оставалась элегантной. Вскоре она дошла до середины толпы, левой рукой схватила одну из женщин за волосы, вытащила из толпы и правой рукой с размаху отвесила ей пощечину.

У этой женщины было миловидное лицо, совершенно безобидный вид, уголки губ всегда трогала легкая улыбка. Она охотно всем помогала, а сталкиваясь с несправедливостью, лишь молча сжимала зубы и терпела, поэтому пользовалась в университете отличной репутацией. Сейчас она прижимала ладонь к покрасневшей и опухшей щеке и с неверием смотрела на Юнь Фэй.

Ее подруга, возмущенная до глубины души, шагнула вперед, желая заступиться за нее, но Юнь Фэй неторопливо и спокойно произнесла:

— Не думай, будто я не знаю, что это ты распускала слухи по всему университету. Говорю тебе: если сегодня что-нибудь случится, я сброшу тебя с крыши.

Женщина что-то забормотала губами, пытаясь возразить, но перед лицом этой яркой и ослепительной женщины не смогла вымолвить ни слова.

Юнь Фэй с силой швырнула ее на землю и бросила на нее ледяной, презрительный взгляд:

— Молись. И наслаждайся последними часами покоя.

Закончив говорить, она без малейшего сожаления удалилась.

Вокруг воцарилась тишина. Взгляды присутствующих переместились с Юнь Фэй на женщину, лежавшую на земле.

Подруга, которая изначально собиралась вступить за нее, с неверием смотрела на нее.

Внезапно она вспомнила, как в свое время ходили странные слухи о том, что та нашла себе богатого покровителя, хотя на самом деле тогда она садилась в машину своего двоюродного брата. В тот момент подруга не придавала этому особого значения — просто удивившись, что девица, никогда прежде не совавшаяся в большие траты, вдруг села в роскошный автомобиль, и сама поверила в эти наговоры.

Тогда слухи разнеслись невероятно широко, оправдаться было невозможно, и люди отказывались верить любым объяснениям. Подруги, которые раньше были близки с ней, отделились, а собственный парень даже попытался бросить. Никто ей не верил, она осталась совсем одна, без какой-либо поддержки, и могла лишь выплакаться той самой приятельнице, которая так вовремя подставляла плечо, предлагала советы и сближалась с ней все сильнее. И лишь когда позже произошло нечто куда более масштабное, те старые сплетни наконец забылись.

Теперь, вспоминая все это, она почувствовала, как по спине пробежал ледяной холодок. Она с изумлением посмотрела на женщину: ей казалось, та — простая и добрая девушка, поэтому она защищала ее на каждом шагу, так же как и сегодня. Но кто бы мог подумать, что та способна злонамеренно распускать грязные слухи! Вспомнив всю ту травлю и злобу, с которыми в последнее время сталкивалась Юнь Фэй в университете, а затем сопоставив это со всем тем, через что прошла она сама, девушка сжала зубы, махнула рукой и решительно зашагала прочь, больше ни разу не взглянув на лежавшую на земле женщину.

Что именно случится с этой женщиной, Юнь Фэй совершенно не волновало. Она подошла к клумбе, где рос изумрудный бамбук, источавший нежный и чарующий аромат. Протянув руку, она сломала стебель толщиной в средний палец, небрежно обломала боковые ветки, соорудив нечто вроде палки, после чего с этой бамбуковой палкой в руках вошла в здание и скрылась из виду.

— Чэн Но, не делай глупостей, подумай о своей семье, — срывающимся от волнения голосом уговаривал Нин Сынин, пытаясь достучаться до разума парня.

Один из стоявших рядом полицейских, опасаясь, что тот простудится, накинул на его плечи свою форменную кучку.

Состояние Чэн Но было явно неадекватным, никто не решался провоцировать его или подходить слишком близко, а внизу тем временем торопливо накачивали спасательную подушку.

Чэн Но крепко обхватил себя руками, до края крыши оставался всего один шаг. Он не то чтобы не слышал слов Нин Сынина, но от этих казалось бы правильных фраз ему хотелось сжаться еще сильнее. У него... уже давно не было семьи. Никто не ждал его появления на свет, никто не надеялся, что он продолжит жить. И когда само существование теряет всякий смысл, какой выбор остается у человека, пытающегося понять, как продолжать жить дальше?

Звук женских каблуков звонко раздался в ночной тишине. Все подняли головы и увидели, что к месту происшествия наконец спешит Юнь Фэй в алом платье. Заметив ее, полицейские наконец отчетливо поняли, из-за чего какой-то парень мог свести с ума себя и окружающих из-за женщины: такая ослепительная и гордая, подобно пиону, она стояла того, чтобы любой мужчина сошел по ней с ума.

Юнь Фэй заложила руки за спину, уголки ее губ тронула мягкая, словно вода, улыбка, придававшая ей очаровательное и капризное выражение юной девушки. Ее чувственные алые

губы чуть приоткрылись:

— Чэн Но, спускайся, мне нужно с тобой поговорить.

Услышав голос Юнь Фэй, Чэн Но наконец отреагировал. Он опустил руки, которыми обнимал голову, и посмотрел в ту сторону, откуда доносился голос. Все заметили, как его губы слегка шевелятся, но слов разобрать было невозможно.

— Спускайся, — повторила Юнь Фэй.

Видя, что Чэн Но по-прежнему не двигается с места, она вытащила из-за спины руки.

— Охренеть! Что это у тебя в руке?! — завопил Бо Чэньюй.

Все повернулись в его сторону и увидели, что в правой руке она держит бамбуковую палку длиной больше метра и толщиной в палец.

Вот паникер! Юнь Фэй повернулась к Бо Чэньюй и одарила его зловещей улыбкой. В прохладном ночном воздухе Бо Чэньюй вздрогнул и рефлекторно потрогал мурашки на руках.

Юнь Фэй указала бамбуковой палкой на Чэн Но:

— Спускайся, клянусь, я не стану тебя до смерти избивать.

Нин Сынин был близок к нервному срыву:

— Что это вообще за люди такие?! Ты можешь не провоцировать его?!

Человек тут покончить с собой пытается, неужели нельзя вести себя хоть капельку адекватнее? Будучи старостой их общегития, он чувствовал себя донельзя уставшим. — Закрой рот! — Юнь Фэй взмахнула зажатым в руке бамбуковым прутом, резко обернулась и прикрикнула: — Кучка бестолочей, вякнете еще хоть слово — прибью на месте!

Нин Сынин тут же умолк. Мудрый человек всегда умеет вовремя приспособиться к обстоятельствам, к тому же... Ему ведь только что послышался легендарный свист рассекающего воздух прута? Если эта сила обрушится на него, живым точно не уйдешь! Нин Сынин решил, что испытывать судьбу определенно не стоит.

И с чего это девушка Чэн Но такая свирепая? Раньше за ней такого не замечалось.

Свирепая не свирепая, а метод действовал безотказно. Чэн Но медленно отошел от самого края крыши. Увидев это, Юнь Фэй смягчила выражение лица, направила к нему и протянула левую руку. Чэн Но сделал шаг вперед и вложил свою ладонь в ее руку. Эта картина даже казалась какой-то теплой и трогательной.

В следующее мгновение бамбуковый прут взмыл высоко вверх и со свистом опустился прямо на задницу Чэн Но, разбив вдребезги всю эту идиллию.

Лицо Нин Сынина выражало полное крушение всех надежд. И где же обещание, что она его точно не забьет?!

Нин Сынин: ???

Юнь Фэй: Главное — не до смерти!

Бамбуковый прут порхал в воздухе, заставляя Чэн Но подпрыгивать от ударов. Тот, однако, не издавал ни звука — не жаловался на боль и не выказывал обиды. Остальные соседи по комнате тут же бросились наперерез, пытаясь ее остановить.

У Юнь Фэй было изрядное сонное недомогание. Разбудить ее среди бела дня — уже само по себе скверно, а уж если до этого ей приснился кошмар... Ситуация была хуже некуда.

Изначально она планировала лишь отлупить Чэн Но, но раз уж тут сами собой подвернулись те, кто напросился, Юнь Фэй, разумеется, упускать возможность не стала. Одной рукой удерживая Чэн Но за руку, другой она охаживала прутом его ниже спины, заодно перепав и стоявшим рядом приятелям.

Стоявшие неподалеку полицейские, видя, что ситуация разрешилась, вмешиваться не стали, с интересом наблюдая за происходящим.

Один из них потрепал себя по подбородку и заметил:

— Знаете, а мне эта сцена кажется до боли знакомой.

Другой кивнул в знак согласия:

— Я тоже так думаю. Когда я в детстве бегал на водохранилище, а мать меня ловила, она лупцевала меня точно так же.

— Вот оно что, а я-то гадал, почему это выглядит так знакомо.

В их годы все были жутко сорвиголовами — найдется ли хоть один человек, которого в детстве не пороли родители?

— Ай-яй-яй! — во всю глотку завопил Бо Чэньюй, получая удар за ударом. — Юнь Фэй, говорю тебе, не зарывайся... Ай!

Он не успел договорить, как бамбуковый прут угодил ему прямо по бедру, заставив скривиться от боли.

Цы Юнь, вовремя оценив обстановку, решил спасти собственную шкуру и стремительно ретировался из зоны боевых действий. Он уже отчетливо понял: Юнь Фэй, может, и не любит Чэн Но, но управы на него у нее предостаточно. Как бы то ни было, хорошо уже то, что кто-то контролирует Чэн Но и мешает ему сводить счёты с жизнью, а со всем остальным они пускай разбираются вдвоем.

Стоило Цы Юнь сбежать, как вся ярость обрушилась на головы Нин Сынина и Бо Чэньюя. Чэн Но с его тонкими руками и ногами с виду совсем не казался крепким орешком, поэтому Юнь Фэй, естественно, не стала применять к нему всю силу, а вот с этими двумя церемониться не стала.

Бо Чэньюй орал благим матом и возмущенно причитал:

— Чэн Но ладно, но мы-то за что огребаем?!

Вообще-то он вполне понимал причину гнева Юнь Фэй — на этот раз Чэн Но и вправду перешел все границы, и если тот учудит что-то подобное еще раз, его собственное слабое сердечко точно не выдержит.

Юнь Фэй зловеще ухмыльнулась:

— Три здоровенных лба не смогли уследить за каким-то доходягой, и вы еще имеете наглости спрашивать, за что я вас бью? Вымахали с каланчу, а толку ноль.

— Да ты сама-то не знала, что у твоего парня за характер? — не остался в долгу Бо Чэньюй. Будучи мастером соблазнения, он вовсе не собирался позволять вытирать о себя ноги и тут же дал отпор.

Юнь Фэй закатила глаза и съездила ему прутом по макушке:

— Я с ним встречаюсь всего-то полгода, а вы-то с ним уже три года в университете бок о бок живете! К тому же, раз удержать не смогли, у вас хоть мозги-то есть? Такие головы отрастили — они у вас для красоты или туда кал складывают?

Бескомпромиссная отповедь Юнь Фэй заставила Бо Чэньюя дымиться от злости — он еще не встречал женщин столь ядовитых. Мало того, что бьет больно, так еще и язык острее бритвы.

И с чего это такая ядовитая женщина считается их университетской богиней? За что ее любят столько мужчин? Бо Чэньюй бросил косой взгляд на ослепительно яркую Юнь Фэй, его взгляд постепенно сместился ниже и остановился на ее тонкой талии.

Ладно, людям с красивой внешностью позволено делать всё что угодно.

В конце концов, он просто парень, падкий на хорошую внешность, что тут поделаешь?

Спустя десять минут Юнь Фэй сидела на кровати в общежитии Чэн Но. Легкое открытое платье и стройные белые ноги, выглядывающие из-под красной юбки, сводили с ума.

Провозившись столько времени, она почувствовала себя уставшей. Взглянув на экран телефона, она с удивлением обнаружила, что уже почти два часа ночи. Эти мальчишки и правда совершенно незрелые — из-за какой-то ерунды устроили столько хлопот.

Она слегка приподняла веки, и ее прекрасные глаза окинули взглядом четырех парней:

— Я собираюсь отдыхать. Убирайтесь на выход, и не забудьте закрыть за собой дверь.

— Погодите-ка! — вытаращил глаза Бо Чэньюй. — Ты ничего не путаешь? Это вообще-то мужское общежитие, кому тут и выметать метлой, так это тебе!

Юнь Фэй подняла валявшийся рядом бамбуковый прут и легонько постучала им по полу — этот ответ поняли все без слов.

Нин Сынин, как староста комнаты, попытался замять дело улыбкой и выпроводить остальных. Драться с такой суровой девицей он не собирался — в конце концов, мудрый человек всегда выбирает благоразумие.

Разумеется, находились и те, кто перед лицом грубой силы искренне верил, что еще может побороться за свои права. К числу таких активистов саморазрушения относился, например, Бо Чэньюй.

— С какой стати?! Старшая сестренка, не кажется ли тебе, что ты перегибаешь палку? — взревел он.

Возиться весь вечер, выслушивать ругань, получать тумачи, а теперь еще и остаться без собственной комнаты — это было уже чересчур.

Юнь Фэй с улыбкой опустила прут. Улыбка ее была столь мягкой, что даже свирепая выразительность в уголках глаз полностью исчезла. Когда все уже решили, что она готова поговорить по душам, Юнь Фэй резко выбросила вперед правую руку, сжатую в кулак, и со страшной силой врезала по стойке кровати. От грохота все присутствующие подскочили.

— У кого-нибудь еще остались возражения?

Ее пронзительный взгляд прошелся по лицам парней. Те переглянулись, опустили головы и предпочли замолчать.

— Вот и чудно. А теперь выметайтесь отсюда. И не забудьте затворить дверь, я спать хочу.

Заметив, что никто не спешит с места, Юнь Фэй вновь ощутила прилив гнева. Она и так была раздражена из-за дурного сна и недосыпа, и если сейчас никого не побила, так только потому, что уже сделала это чуть раньше.

— Чего стоите? Вас еще подогласить с поклоном?

Произнося слово пригласить, она положила руку на бамбуковый прут.

Нин Сынин и Цы Юнь немедленно бросились вперед: один утаскивал упиравшегося Чэн Но, второй волок за собой Бо Чэньюя, который все еще порывался продолжить спор. Парни выскочили за дверь и аккуратно затворили ее за собой.

В соседней комнате жили их однокурсники. Они столпились у стены, тихонько обсуждая сплетни, пока Нин Сынин не постучал в их дверь.

Дверь отворилась, парни вошли внутрь, и те с первого взгляда поняли, чем они тут занимались. Хотя учились они на разных специальностях, жили по соседству и дружили давно, так что друг друга знали как облупленные.

Худощавый парень в черной оправе очков указал в сторону их комнаты и спросил:

— Богиня так и не ушла?

У прежней владелицы тела был не самый простой характер, но лицо у нее было потрясающим. С самого поступления в университет она слыла университетской богиней и безоговорочно носила титул королевы красоты. Желающих добиться ее расположения было предостаточно, а завистников — еще больше. Именно поэтому вокруг нее постоянно роились всевозможные слухи.

Нин Сынин пояснил ситуацию:

— Слишком поздно, девушке одной возвращаться домой небезопасно. Сегодня она переночует в нашей комнате, а мы у вас тут как-нибудь потеснимся.

Все были студентами и прекрасно понимали положение дел, к тому же компания собралась мужская — в тесноте, да не в обиде.

Нин Сынин вернулся к своей двери, постучал, забрал одеяла, а заодно плотно прикрыл дверь для Юнь Фэй. Остальные разместились в соседней комнате.

Бо Чэньюй и Чэн Но легли на одну кровать — они были ближе всех друг к другу. Чэн Но отличался молчаливостью и слова за весь день не выдавит, зато Бо Чэньюй был тем еще болтуном и трепался с утра до ночи; даже если Чэн Но не желал раскрывать рта, тот мог без остановки щебетать у него над ухом часами.

Лежа в постели, Бо Чэньюй отчетливо слышал сдавленные рыдания Чэн Но. Он тяжело вздохнул, не зная, что и сказать.

Он прекрасно понимал, что между Юнь Фэй и Чэн Но всё кончено раз и навсегда.

Бо Чэньюй был опытным сердцеедом — только за три года в университете он сменил с десяток девушек и повидал на своем веку немало. В университете хватало красавиц, и прежняя хозяйка тела выделялась среди них своей уникальностью. По идее, такой любитель красивых лиц, как он, должен был первым делом начать ухаживать за ней, но на деле их пути вообще не пересекались.

Лишь после того, как она начала встречаться с Чэн Но, Бо Чэньюй познакомился с ней, но особой симпатии к девушке не испытывал — и вовсе не из-за ее личных качеств, а из-за Чэн Но.

Чэн Но впервые по-настоящему полюбил кого-то и отдал этому чувству все свои силы. Но для Юнь Фэй Чэн Но оказался лишь попутчиком. Впрочем, это нормальный взгляд на вещи: человек должен жить для себя, а не убиваться из-за других.

По правде говоря, Бо Чэньюй совершенно не одобрял поведение Чэн Но, но сердце человека всегда на стороне близких — раз Чэн Но был его другом, он, естественно, поддерживал его. С самого начала он знал, что из отношений Чэн Но и Юнь Фэй не выйдет ничего хорошего, дело было вовсе не в том, что кто-то из них плох, просто они совершенно не подходили друг другу.

Ни прежняя владелица тела, ни Юнь Фэй не стали бы прогибаться ради Чэн Но. Для таких девушек мужчина, способный наложить на себя руки из-за несчастной любви, автоматически вычеркивался из списка потенциальных партнеров.

Хотя Бо Чэньюй почти не общался с Юнь Фэй раньше, сегодняшний день показал ему: такая гордая женщина, как она, никогда не задержится рядом с Чэн Но.

Глубокой ночью всхлипывания Чэн Но постепенно потонули в громком храпе.

— Среди ночи спать надо, а не покойников оплакивать!

услышав, что Чэн Но не переставая ревет, и испугавшись, что тот снова натворит глупостей, Бо Чэньюй уже собирался его утешить, как вдруг услышал знакомый голос из соседней комнаты.

<http://bllate.org/book/21612/2229341>